

дѣломъ еще недостаточно извѣстнымъ, тогда бы можно было наши ошибки простить. Но когда мы передаемъ пагубныя эти ошибки изъ поколѣній въ поколѣнія, тогда дѣлается какъ-то неловко и жутко за руководителей пчелъ, взявшихъ на себя завѣдомо больше, чѣмъ они того достойны.

Не безъ затаенной цѣли я собралъ здѣсь указанные факты, слилъ ихъ вмѣстѣ и обнаружилъ всю ихъ наготу. Одну скажу еще вамъ истину, что какъ и чѣмъ бы мы ни прикрывались, а только по отношенію къ пчеламъ мы остались варварами, вандалами, инквизиторами, а по русски и вѣрно говоря — прямо разбойниками. Мы прикрываемся ложной гуманностью, специальными знаніями, а мы, въ сущности, еще полныя невѣжды въ пчеловодствѣ и послать насъ подъ надзоръ общества покровительства животнымъ будетъ только мягкая мѣра. Наши отцы сурово обходились съ пчелой и часто подводили ее подъ «сѣрку» (убивали сѣрнымъ дымомъ), но все-же они лучше насъ поступали, какъ и во многомъ другомъ.

Да, хотѣлось бы спѣться, хотѣлось бы условиться и крикнуть такъ, чтобы слышали всѣ, что вотъ это дѣло уже испытано, да ничего изъ него хорошаго не вышло и что дальше его лучше уже не повторять, что эти вотъ приемы безусловно вредны и лучше ихъ забыть, чтобы не думать, не терзать нашихъ пчелъ и не говорить, что не мы, а наши пчелы никуда не годятся, но врядъ ли этотъ желательный крикъ будетъ всѣми услышанъ, врядъ ли обсудятъ его и оставятъ старыя, вредныя опыты съ такими благодарными и благородными животными, какъ пчелы.

П. Р. Притуленко.

3/IV 1914 г. Тифлисъ.

Еще объ ульяхъ.

(Окончаніе).

Уважаемые читатели видятъ, что мой оппонентъ, г. Тишковъ, «возражая» мнѣ, не указываетъ ни одного фактическаго примѣра, который можно было бы провѣрить на пчельникѣ и тѣмъ убѣдиться въ вѣрности доказательствъ его. Слѣдовательно, онъ «возражаетъ» мнѣ и «опровергаетъ» мою статью «Кое-что объ ульяхъ» голословно, ссылаясь только на «общепринятыя» улы, на «общепринятую» систему, на «общепринятую» науку объ «инстинктѣ» пчелъ, «заботящихся» о поддержаніи своего рода, и т. д., такъ что читателю приходится только вѣрить его доводамъ.

Но вѣдь вѣрить и знать — это далеко не одно и то-же. — Мои же доказательства указываютъ только на фактическія данныя, кои всѣ читатели, желая, могутъ легко провѣрить у себя на пчельникѣ и убѣдиться въ вѣрности моихъ доводовъ.

Хотя г. Тишковъ ссылается на то, что имъ были наблюдаемы пчелы, живущія «въ подвалахъ избъ», гдѣ пчелы «удлинняли» соты «кзадѣ», а не «съ боковъ гнѣзда», — «то и лежаки П. И. оправдать ничѣмъ другимъ нельзя, какъ только — желаніемъ создать удобство для собственной работы, хотя бы и вопреки удобству жизни пчелы», — но это тоже голословно. Ибо во 1-хъ, какъ видѣли выше, много обстоятельствъ «оправдываютъ» мои лежаки, такъ что никакіе факты не указываютъ, чтобы мои лежаки были устроены «вопреки удобству жизни пчелы». Во 2-хъ, жизнь пчелъ «въ подвалахъ избъ» никакъ нельзя сравнить съ жизнью пчелъ въ ульяхъ какого бы то ни было типа, потому что «въ подпольѣ» холодно, вслѣдствіе чего пчелы и «удлинняютъ» соты, а не строятъ «съ боковъ гнѣзда», какъ въ моихъ теплыхъ лежакахъ. Въ 3-хъ, «подполье» не навощено, поэтому пчелы и не уходили въ бокъ гнѣзда, а продолжали подтягивать ребра сотовъ «кзадѣ подполья», такъ какъ въ такомъ направленіи гнѣзда (сотовъ) лучше удерживается теплота въ междусотіяхъ, чѣмъ въ широкомъ гнѣздѣ, — на что не обратилъ вниманія мой оппонентъ, — а въ моихъ лежакахъ пчелы, имѣя навощенные рамы, охотно начинаютъ работать съ боковъ гнѣзда, вытягивая соты сверху внизъ, что согласуется съ природою пчелы. Пусть онъ наполнилъ бы «подполье избы» пчелами, такъ что стало бы всѣмъ пчеламъ душно, то потянулись бы всѣ соты (а не «удлинняемые» пчелами, о чемъ говоритъ г. Тишковъ) «съ боковъ гнѣзда», какъ это въ моихъ теплыхъ лежакахъ, чего мой оппонентъ не видѣлъ въ холодномъ широкомъ подпольѣ избы при обыкновенномъ (несоразмѣрномъ подполью избы) роѣ пчелъ.

Далѣе г. Тишковъ говоритъ: «Крайне неосторожное сравненіе дѣлаетъ П. И. своего лежака съ ульями другихъ системъ — общепринятыхъ, и такіе свои теоретическіе выводы.

«П. И. пишетъ, что пчелы, перейдя въ надставку, въ поискахъ матки претерпѣваютъ, Богъ знаетъ, какія мученія и даже — органическія измѣненія — «становятся трутовками» и пр., и это на разстояніи какихъ нибудь 150 м/м. отъ матки и дѣтки и, подчасъ, на протяженіи одного сота. Какъ-же въ его лежакѣ работаютъ пчелы спокойно на разстояніи, вѣроятно, не менѣе, какъ 500 — 600 м/м. отъ матки и притомъ, за 10 — 15

сотовъ отъ нея? Неужели это — опытъ?» Но почему же мой оппонентъ не обращаетъ вниманія на то, что я говорю о ганнемановской рѣшеткѣ, коя устраняетъ многихъ пчелъ улья отъ частой встрѣчи съ маткою, въ силу чего пчелы, не встрѣчаясь съ маткою и яичками за рѣшеткою, начинаютъ чувствовать себя сиротами, вслѣдствіе чего закладываютъ маточки, а другія становятся и трутовками. Поэтому, если и въ моемъ лежакѣ вставить рѣшетки Ганнемана, то и въ нихъ происходитъ тоже, что и въ прочихъ ульяхъ, имѣющихъ ганнемановскія рѣшетки.

Далѣе говоритъ г. Тишковъ: «Также не понятно: почему въ лежакѣ П. И. матка, будучи на свободѣ, червить и не червить именно тогда, когда это желательно пчеловоду, въ ульѣ же съ надставкой — наоборотъ: или не червить, будучи отгорожена во всемъ нижнемъ гнѣздѣ, т. ч. семью осенью приходится подкармливать на черву, чтобы не погибла зимою отъ безсилія, или же червить и въ надставкѣ, и въ гнѣздѣ до тѣхъ поръ, что къ осени получается «колоссальная семья, и тоже можетъ погибнуть зимою, но уже отъ голода? Или: въ ульѣ съ надставкою «кое-что» бываетъ меду въ надставкѣ, но его гораздо меньше, чѣмъ въ лежакахъ, и все-таки его «не хватаетъ на зиму». Спрашивается: при нормальной семьѣ, (чѣмъ, конечно, обусловливается надставка) и при *наличности* взятка, куда же дѣвается весь медъ въ этихъ ульяхъ? Неужели весь поѣдается червой, которой якобы занесены всѣ соты и гнѣзда, и надставки? На всѣ эти вопросы объясненія П. И. нимало не отвѣчаютъ». Нѣтъ, г. Тишковъ! Моя статья «Кое-что объ ульяхъ» отвѣчаетъ на всѣ сіи ваши «вопросы». Только удивительно, почему вы не вникнули или не хотите вникнуть въ мои доказательства. Ибо, во 1-хъ, я говорю, что мой лежакъ имѣетъ вставную доску, которою весною суживается гнѣздо, въ силу чего усиливается теплота въ гнѣздѣ, благодаря чему матка и червить, — чего невозможно совершить въ ульяхъ Дадана-Блатта (почему же, разъ діафрагма въ нихъ есть? *Ред.*); а лѣтомъ, при наступленіи теплоты и взятка этою же доскою расширяется гнѣздо и летокъ, благодаря чему также матка имѣетъ мѣсто для червленія и пчелы для склада меда и постройки сотовъ. Во 2-хъ, мой оппонентъ не обратилъ и на то вниманія, что я привелъ (говорилъ въ упомянутой статьѣ) *пестроту* времени (о теплыхъ, умѣренныхъ и смѣшанныхъ, переменчивыхъ лѣтахъ), а онъ взялъ, для «опроверженія» моихъ доказательствъ, только богатое лѣто, «при *наличности* взятка». Вотъ почему при постоянныхъ вылетахъ пчелъ и заливаются напрыскомъ меда освобождающіяся отъ дѣтки ячейки

въ гнѣздовомъ отдѣленіи, хотя гнѣздо и отдѣлено отъ надставки рѣшеткою, въ силу чего семья и становится къ осени слабюю, почему и нуждается въ усиленіи, т. е. въ кормленіи «на черву», чему всѣ руководства и журналы обучаютъ, вслѣдствіе чего и разныя кормушки и различные способы по кормленію пчелъ предлагаются многочисленными прейсъ-курантами торговцевъ пчеловоднымъ инвентаремъ. Во время же переменъ погоды, и если нѣтъ въ ульѣ ганнемановской рѣшетки, матка засѣменяетъ оба этажа, и семья къ осени становится колоссальною но имѣетъ меда гораздо меньше лежаконъ ульевъ, потому что при переменѣ погоды, при наступленіи холодной погоды, въ лежакѣ скорѣе, чѣмъ въ надставкѣ прекращается дѣятельность семьи, вслѣдствіе чего матка и прерываетъ кладку яицъ и пчелы расходование меда на черву, благодаря чему и сохраняется для зимы гораздо больше меда. Въ надставкѣ, если она безъ летка, не такъ скоро, какъ въ лежакѣ, понижается тогда температура, и если надставка имѣетъ соты, пчелы поднимаются изъ гнѣздоваго отдѣленія въ надставку, вслѣдствіе чего и сырѣетъ нижній этажъ, какъ выше было сказано.— Но г. Тишковъ, не обращая никакого вниманія на мои всѣ эти доказательства о *пестротѣ* (о непостоянности) лѣтъ, объ этомъ *наиважнѣйшемъ обстоятельстве пчеловодства* (къ чему не приспособлены ульи съ надставками, а они изобрѣтены только для богатыхъ лѣтъ,— но вѣдь богатое лѣто даетъ много меда и въ простыхъ колодахъ, слѣдовательно, тутъ никакой важности не приноситъ надставка, лишь бы были колоды или дуплянки не малыхъ размѣровъ,— а мои лежаки приспособлены ко всякимъ случайностямъ), продолжаетъ: «Въ концѣ концовъ получается то, что въ ульѣ съ надставкой совершенно нѣтъ и мѣста для меда, и матка въ немъ приспособлена червить сверхъ своей природной нормы, и пчелы, при всемъ желаніи, никакъ не могутъ примѣнить свой инстинктъ сокращенія червленія путемъ заливанія медомъ пустыхъ ячеекъ». Тутъ уже «общепринятый» ошибочный режимъ о «психикѣ» (о разумѣ) пчелъ, а не моя «новая» теорія о *любви живыхъ*.

Далѣе сказано: «почему пчелы въ лежакѣ П. И., возвращаясь съ ношею, такъ благоразумно отправляются въ концы лежака черезъ десятокъ сотонъ и сплошь заливаютъ тѣ соты медомъ и брусятъ ихъ, а въ надставку подняться по одному соту сразу не могутъ, а разбрасываютъ медъ въ гнѣздѣ и уже *потомъ* переносятъ его въ надставку и тамъ поѣдаютъ»? А потому, отвѣчаю, что пчелы, какъ уже выше говорилъ, имѣютъ природ-

ную привычку, что начиная какую либо работу, не бросают этой работы до тѣхъ поръ, пока постороннія давленія на пчелу не заставляютъ ее оставить начатую ею работу. Поэтому пчела, начавъ носить нектаръ съ цвѣтовъ, сосредоточиваетъ всѣ свои силы и энергію на собираніи взятка, такъ что, прилетѣвъ съ ношею, не «думаетъ», занести свою ношу «надъ дѣткою — вверхъ», въ надставку, какъ ссылается мой оппонентъ, а поспѣшно складываетъ въ встрѣчаемую первую ячейку при леткѣ и стремглавъ опять спѣшитъ въ поле. И вотъ, благодаря широкому (длинному) летку и низкому улью моего лежака, пчелы, входя широкими струями въ улей, и заливаютъ медомъ соты, находящіяся въ концахъ лежака, а маткѣ остается больше ячеекъ для сѣмененія въ срединѣ улья, противъ середины длиннаго летка, гдѣ не душно, потому что пчелы, прилетѣвъ съ ношею, прежде ищутъ ячеекъ при леткѣ, т. е. въ нижнемъ этажѣ; только если пчела не находитъ здѣсь ячеекъ, гдѣ сложить свою ношу, то тогда уже, конечно, желая — не желая, она должна (принуждена вопреки природѣ ея) подняться въ надставку. А сколько времени пчела потеряетъ черезъ это, пока она ищетъ пустыхъ ячеекъ въ нижнемъ этажѣ и затѣмъ заходитъ вверхъ и возвращается назадъ, такъ что пока пчела уложитъ одну ношу въ надставку, то въ то время пчела лежака принесетъ двѣ ноши. . .

Наконецъ: «болѣе 15 лѣтъ имѣю дѣло съ надставками и не могу допустить такихъ противорѣчій между стоякомъ и первакомъ вообще, и лежакомъ П. И. въ частности. Если семья нормально развита, и есть взятокъ, то главная медовая работа происходитъ въ надставкѣ¹⁾, и въ то же время заливаются медомъ свободные отъ червы боковые соты гнѣзда; а переливаніе меда и вообще—его уборка, представляетъ тоже—требованіе закона, и не думаю, чтобы лежакъ П. И. могъ это устранить». Но уже все вышеизложенное доказываетъ, что мой лежакъ устраняетъ всѣ неудобства, встрѣчаемыя въ ульяхъ съ надставками, — о чемъ я поговорю еще и на другой разъ, и о прочихъ многочисленныхъ невыгодахъ ульевъ съ надставками, какія невыгоды мой лежакъ устраняетъ—это разъ; во вторыхъ, если Вы, г. Тишковъ, не вѣрите моимъ словамъ, то приступите къ дѣлу, т. е. сдѣлайте наблюдательные (стеклянные) ульи и мой лежакъ, и провѣряйте по моимъ руководствамъ «Новыя открытія. . .» все вышеизложенное, то убѣдитесь во всемъ, и тогда полюбите мои лежаки, облегча-

¹⁾ Объ этомъ Вы только думаете, но, изъ этихъ Вашихъ словъ видно, что Вы всей работы не видѣли, какъ пчелы работаютъ. Въ надставочномъ ульѣ, пчелѣ гороздо труднѣе, чѣмъ въ лежакѣ. . .

юшіе трудъ и увеличивающіе доходъ пчеловода, т. е. найдете, что мои лежаки подходятъ уже къ улью-машинѣ, и тогда бросите всѣ «общепринятыя» ульи съ надставками.

Какъ видно, мой оппонентъ хотя уже «болѣе 15 лѣтъ имѣлъ дѣло съ надставками», но слѣпо подчиняясь «общепринятымъ» ульямъ, ульямъ съ надставками, и «общепринятой» наукѣ о «психикѣ» пчелъ, не интересуется болѣе никакими «новинками», не желаетъ и знать, и слышать о нихъ. Я же, изслѣдуя жизнь и природу пчелъ и прочихъ животныхъ въ продолженіи слишкомъ сорока лѣтъ, испробовалъ и нашелъ многое-множество новостей, коихъ нѣтъ въ «общепринятой» литературѣ. Между прочимъ, вотъ еще одинъ способъ къ опроверженію г-на Тишкова и «общепринятой» теоріи. Выберите наисильнѣйшую семью во время главнаго взятка, удалите полъ ея улья, подставьте одну надставку подъ улей, а другую на него, и оставьте надставку открытою, то увидите, что пчелы заработаютъ и сложатъ (къ осени найдете) весь медъ въ подставкѣ, подъ дѣткою — внизу, а не «надъ дѣткою — вверху», какъ ошибается г. Тишковъ.

Но въ заключеніе все-таки, я приношу благодарность моему оппоненту за его «возраженіе» и «опроверженіе», потому что только печатно можно разъяснить всѣ подробности законовъ природы и достигнуть облегченія труда и увеличенія дохода каждаго труженика, слѣдовательно, и пчеловода, — но, конечно, вмѣстѣ и провѣряя на дѣлѣ, какъ выше сказано.

П. И. Микялэнъ - Микаловскій.

М. Биржи, Ковенск. г. 3 марта 1914 г.

Изъ наблюденій на моей пасѣкѣ въ 1913 г.

Докладъ Отдѣленію Пчеловодства О. А. ж. и р., прочитанный въ засѣданіи 15 декабря 1913 г.

(Продолженіе).

Конецъ мая стоялъ хорошій—теплый съ перепадающими дождями. Пчелы брали съ жимолости, клубники, малины; зацвѣлъ и бѣлый клеверъ, съ котораго онѣ стали брать съ 29 мая. Очень сильно онѣ брали въ это время съ елей. Ихъ у насъ много, но такого пчелинаго гула я на нихъ никогда не слыхала. Повидимому пчелы сильно нуждались въ пыльцѣ, т. к. брали ее и съ тимоеевки, на которой я ихъ ранѣе не видѣла. Съ ели тоже брали пыльцу.